

ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ**

© 2014 г. Сергей Владимирович Троицкий¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются международно-правовые формы сотрудничества государств в сфере противодействия терроризму.

Annotation: article discloses international law forms of cooperation of states in counteraction to terrorism.

Ключевые слова: международное право, терроризм, преступность, Совет Безопасности ООН, двойные стандарты.

Key words: international law, terrorism, crime, Security Council UN, double standards.

Одним из сложных направлений международного сотрудничества, вызывающим множество дискуссий, является противодействие терроризму во всех его проявлениях. Терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз миру и безопасности, от которой не застраховано ни одно государство, и стремительно адаптируется к современным реалиям, приобретает новые измерения остроты. Чуть ли не каждый день мир узнает о новых вылазках террористов, уносящих жизни невинных людей по всей планете. Сообщения о терроризме все чаще приходят из регионов, которые не сталкивались с данным явлением. Государства имеют дело с весьма опасным и весьма трудно предсказуемым вызовом устоям современного миропорядка и цивилизации, несущим угрозу современному миру и безопасности². Террористы действуют в иной системе координат и ценностей. С помощью современных информационных систем террористы развернули активную идеологическую работу, ведут вербовку и подготовку террористов. Крайне опасные тенденции – это стремительное распространение идеологии терроризма и экстремизма, которое происходит зачастую с анонимной подачи в информационные сети под лозунгами реформ, демократии, призывом к организации на улице различных акций. На этом фоне в мире поднимается внушительная волна радикализма, которая провоцирует опасные

межконфессиональные напряжения в различных регионах, создает благоприятные условия для привлечения в террористические группировки.

Однако, несмотря на совместные усилия всех членов мирового сообщества при координирующей роли ООН, а также существование целого ряда эффективно действующих международных инструментов, посвященных вопросам борьбы с терроризмом в определенных сферах: с бомбовым терроризмом (1997 г.)³, с финансированием терроризма (1999 г.)⁴, а также с актами ядерного терроризма (2005 г.)⁵, – устанавливается востребованность консолидации национальных интересов в процессе сотрудничества государств в сфере противодействия терроризму.

Новые серьезные проблемы в контексте анти-террористической безопасности накапливаются под воздействием противоречивых процессов в Северной Африке, Ближнем Востоке, зоне Африканского рога. При этом Российская Федерация постоянно призывает международное сообщество к последовательности и солидарности в противодействии терроризму, отказу от двойных стандартов в борьбе с терроризмом⁶.

¹ Преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, член Российской ассоциации международного права.

² Выступление Специального представителя Президента РФ А.В. Змеевского на специальном заседании Совета Безопасности ООН “Всеобъемлющий подход к противодействию терроризму” (15 января 2013 г.).

³ См.: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята рез. 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 г.

⁴ См.: Конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята рез. 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.

⁵ См.: Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята рез. 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г.

⁶ См.: Постановление Государственной Думы РФ от 9 сентября 2005 г. «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “О недопустимости двойных стандартов в борьбе с терроризмом”».

Противодействие терроризму на сегодняшний день воспринимается некоторыми государствами как геополитическая технология контроля над пространством, что не соотносится с основополагающими принципами и нормами современного международного права. Все это отражает практику двойных стандартов, которая вытекает из политических интересов и предпочтений некоторых государств, определяется как политика двойных стандартов (“противоречивая политика”, “двойственная политика”, “непоследовательная политика”): принципиально различное применение принципов, законов, правил, оценок к однотипным действиям различных субъектов (одним из которых может выступать сам оценивающий) в зависимости от степени лояльности этих субъектов или иных соображений выгоды для оценивающего. Двойной стандарт – термин, широко распространённый в современной политологии, журналистике, экономике, обществознании и других гуманитарных науках, обозначающий разное отношение (часто – откровенную дискриминацию) и разную оценку одних и тех же, а чаще аналогичных событий и ситуаций одними и теми же оценщиками в силу их предвзятости, изменившихся обстоятельств, личной корысти, эмоционального состояния и т.п.

Интересным представляется мнение о двойных стандартах современности известного писателя Б. Львоффа, который говорит, что в последнее время обвинения в двойных стандартах стали очень популярны в международной политике⁷. Особенно часто двойные стандарты вменяют в вину Соединенным Штатам Америки и их союзникам, политическая деятельность которых постоянно находится в центре внимания мирового сообщества.

Двойные стандарты становятся все возрастающей проблемой не только применительно к международным политическим отношениям, но и к международному праву в вопросах безопасности, противодействия преступности и обеспечения прав человека. Этот неприглядный инструмент используется прежде всего против государств, имеющих смелость проводить собственную внешнюю политику, не подчиняющуюся указаниям из мировых центров силы. Пока эта практика двойных стандартов присуща в основном евроатлантическому пространству, но ее усиленно пытаются внедрить и в Организации Объединенных Наций.

Как справедливо заметил Президент Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка М. Раджапаксе в ходе 62-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, “вместо того чтобы искать решения на путях сотрудничества, мы зачастую плодим подозрительность и возводим между нами стены, используя двойные стандарты”⁸.

Двойные стандарты при международном сотрудничестве широко применяются как средство давления на противников через общественное мнение и как способ оправдания собственных действий в чей-либо адрес.

В праве международного сотрудничества в сфере противодействия преступности двойные стандарты выражаются в форме обвинения неугодных в нарушении принципов, конвенций, обязательств, “попрании общечеловеческих ценностей”, “нарушении прав и свобод человека”, “отступлении от норм международного права” при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных действий или действий союзников.

В международно-правовых нормах в сфере противодействия преступности, принятых после 1945 г., отсутствует возможность использовать двойные стандарты. Однако, когда принимались первые международные соглашения по вопросам выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам, борьбе с терроризмом, положения ряда международно-правовых актов показали свою неоднозначность в толковании и зачастую не соответствовали поставленным целям международных соглашений.

Интерпретация норм права международного сотрудничества в сфере противодействия преступности в последнее время приобрела политический оттенок и стала проходить с учетом курса внутренней и внешней политики государств.

Взглянув на современную геополитическую карту мира, можно заметить проявление двойных стандартов в праве международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Это объясняется тем, что национальные интересы государства часто не совпадают, при взаимодействии со своими союзниками государства по-разному применяют нормы в сфере противодействия преступности, чем при взаимоотношении со своими противниками. В настоящее время это вошло в международную практику государств, в частности государств – членов НАТО, которые

⁷ См.: Буровский А.М. Еврейские погромы. Скорбь по двойным стандартам. М., 2011.

⁸ Док. Генеральной Ассамблеи ООН № А/62/PV.5.

в своей политике проводят политику двойного стандарта в параметрах сотрудничества по противодействию преступности. При сотрудничестве государств в рамках международного правосудия часто прослеживается несоответствие между внешнеполитическим курсом страны и Уставом ООН.

К примеру, в соответствии со стратегической позиции НАТО в отношении ряда конкретных лиц-участников процесса межгосударственного взаимодействия господствовала “презумпция виновности”, несмотря на положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁹ и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹⁰, формулирующих презумпцию невиновности. В то же время, определяя презумпцию виновности, государства – члены НАТО преднамеренно сдерживают процесс Международного уголовного суда в отношении главы Косово Х. Тачи, уличенного в убийстве жителей Сербии и торговле человеческими органами.

Представляется востребованным согласиться с позицией представителя России И. Панина, заявившего в рамках обсуждения темы “Меры по ликвидации международного терроризма”, что возврат к практике “хороших” и “плохих” террористов может в вопросах противодействия террору отбросить мир на десятки лет назад во времена “холодной войны”¹¹.

Наиболее точно новую геополитическую парадигму можно охарактеризовать как модель “управляемого хаоса”, а официальное название пропагандистского мифа Пентагона общеизвестно: это – “борьба с международным терроризмом”. Интересно и весьма важно проследить, каким образом эта модель была найдена и апробирована, чтобы понять и выявить все внутренние пружины ее действия в современных условиях.

Так была “найдена” и актуализирована в общественном сознании с помощью СМИ реальная угроза извне, которая в другом случае могла бы стать основой для достижения всеобщего, универсального, обеспеченного консенсуса по международным проблемам.

Современный терроризм как международное преступное деяние характера *erga omnes* затрагивает конкретные интересы всего мирового сообщества и в этом аспекте подрывает устой

международного правопорядка в целом. Всеобщая заинтересованность государств – членов мирового сообщества в консолидации мер по противодействию международному терроризму вписывается в общие цели Устава ООН (ст. 1).

Терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз миру и безопасности, от которой не застраховано ни одно государство. Чуть ли не каждый день мир узнает о новых вылазках террористов, уносящих жизни невинных людей по всей планете. Искоренить это зло возможно только совместными усилиями всех членов мирового сообщества при координирующей роли ООН.

После событий 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты Америки начали глобальную информационную операцию по противодействию международному терроризму, ставшую важнейшей частью их новой геополитической стратегии – стратегии “управляемого хаоса”, с помощью которой сегодня происходит новый геополитический передел мира.

В рамках заявленной доктринальной позиции под обозначением “борьба с международным терроризмом” США осуществляют конкретные меры по продвижению своих национальных интересов по линии международной политики. Под риторику о необходимости укрепления национальной безопасности перед угрозой терроризма США мягко, без особого скандала вышли из американо-русского договора по противоракетной обороне, объясняя это тем, что нужны новые нетрадиционные средства защиты нации, и ракеты здесь уже не помогут. Началась ускоренная модернизация американских вооруженных сил, на которую отпущены значительные средства. Специалисты по “связям с общественностью” так обработали общественное мнение, что на некоторое ограничение гражданских свобод и усиление полицейского контроля в США никто не обратил внимания. Наоборот, все приветствовали идею внутренней мобилизации нации¹².

Новая информационная стратегия США проявила себя в ходе военной операции в Афганистане и в Югославии.

Стратегия противодействия терроризму в рамках международного сотрудничества государств базировалась на массивном пропагандистском ударе с использованием всех видов СМИ

⁹ Принята рез. 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН (см.: Росс. газ. 1995. 5 апр.).

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

¹¹ См.: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/123224/>

¹² См.: *Василенко И.А.* Борьба с терроризмом как новая геополитическая парадигма: модель “управляемого хаоса” // Трибуна русской мысли. 2003. № 1. С. 73–80.

при одновременной блокаде любой разоблачающей информации с места боевых действий.

Противодействие терроризму оказалось удобным информационным прикрытием для проведения геополитических операций.

Со времени начала информационной операции по противодействию терроризму США последовательно проводят политику по расширению своего военного присутствия в стратегически важных регионах мира. На концептуальном уровне особого внимания заслуживает анализ новой военной доктрины США “Среда для действий объединенных сил” (The Joint Operating Environment – JOE)¹³. Прежде всего она принципиально по-иному определяет противника в условиях актуализации “нетрадиционных” угроз. Международный терроризм вездесущ и официально не институционализирован, что позволяет бороться как с известными, так и с неизвестными источниками угрозы, которые могут находиться в разных районах мира. Причем военная доктрина США оставляет за Пентагоном право определять эти районы.

Под предлогом противодействия терроризму традиционные ядерные вооружения не планируются усиливать: только сохранять в существующем объеме (межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, стратегические бомбардировщики, баллистические ракеты на подводных лодках). Главное значение отводится так называемой “малой стратегической триаде”, которая состоит из наступательной, оборонительной частей и инфраструктуры. США предполагают, что в инфраструктуре главную роль будут играть “информационные операции”¹⁴.

В вооруженных силах США термин “информационные операции” (ИО) уже утвердился и широко используется, в том числе и в официальных документах боевого планирования. Так, 13 февраля 2006 г. комитетом начальников штабов была утверждена новая редакция доктрины “Информационные операции” (JP 3-13), в которой пересмотрены взгляды военного руководства США на подготовку и ведение ИО вооруженными силами, уточнены цели, задачи и основные принципы информационного противоборства, а также обязанности должностных лиц по подготовке и проведению таких операций, как в мирное, так и в военное время.

Согласно новой доктрине ИО представляют собой комплекс мероприятий. Вооруженные силы США осуществляют действия по воздействию на людские и материальные ресурсы противника с целью затруднить или сделать невозможным принятие им верных решений с одновременной защитой своих информационных систем. Они включают в себя пять основных составляющих: радиоэлектронная борьба (РЭБ - Electronic Warfare, EW), психологические операции (PcO-Psychological Operations, PSYOPS), сетевые операции (Computer Network Operations, CNO), мероприятия по оперативной маскировке (Military Deception, MILDEC), а также по обеспечению безопасности собственных сил и средств (Operations Security, OPSEC). Примечательно, что до последнего времени решающую роль в информационном противоборстве играли PcO, мероприятия по оперативной маскировке и по обеспечению безопасности собственных сил и средств, однако в новую редакцию доктрины включены также сетевые операции и РЭБ как основной вид ведения информационных операций.

По взглядам военно-политического руководства (ВПР) США, вспомогательными элементами таких операций являются обеспечение безопасности информации (Information Assurance, IA), физическое уничтожение (Physical Attack) критически важных информационных структур противника и контрразведка (Counterintelligence). Отмечается, что они по своей сути неотделимы от основных элементов ИО и прямым или косвенным образом задействованы при решении задач таких операций в целом. По сравнению с предыдущей редакцией 1998 г. документ претерпел существенные изменения. Так, в редакции 2006 г. отказались от использования терминов “наступательные ИО” и “оборонительные ИО”. Особо указывается, что в условиях современной информационной среды подобные операции проводятся для одновременного достижения как наступательных, так и оборонительных целей. Помимо этого официально в новой доктрине больше не используется понятие “информационная война” (Information Warfare). Оно заменено более нейтральными терминами “информационные операции” (Information Operations,) и “информационная среда (сфера)” (Information Environment).

В новой редакции доктрины детально прослеживается тесная взаимосвязь пяти основных составляющих информационной операции. Отмечается, что в современных условиях информационной среды только комплексное их применение будет способствовать достижению успеха

¹³ См.: Новая военная доктрина США (The Joint Operating Environment – JOE) // <http://www.defense.gov/>

¹⁴ См.: Joint Vision 2010 Office of Primary Responsibility: Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Washington, 2000.

операции как в мирное, так и в военное время. Впервые официально вводится термин “сетевые операции” (CNO), которые включают в себя компьютерные сетевые атаки (Computer Network Attack, CNA), сетевую защиту (Computer Network Defense, CND) и использование компьютерных сетей противника в своих целях (Computer Network Exploitation, CNE)¹⁵.

Исходя из того что в новую информационную эпоху военные действия могут вестись как государственными силовыми структурами, так и негосударственными в лице бандформирований, элитных кланов и т.д., главный удар ИО, по замыслу военных разработчиков, необходимо сосредоточивать на сознании лидеров, непосредственно принимающих решения, так как в эпоху современных технологий рядовые участники бандформирований и иных криминальных структур, в том числе и законопослушные граждане, способны оказать лишь незначительное влияние на процесс принятия руководителем решения. Достижение этой цели планируется традиционно обеспечивать как в ходе информационной операции, так и в пределах информационно-психологического воздействия.

В рамках такой информационной операции уничтожить противника возможно с помощью принципиально нового типа оружия – информационного (информационно-психологического), способного разрушать сети и компьютерные системы управления военных и других жизненно важных объектов государств.

Некоторые эксперты определяют информационно-психологическое оружие как “нелетательное оружие массового поражения”, способное обеспечить решающее стратегическое преимущество над потенциальным противником. Его главное преимущество над остальными средствами поражения состоит в том, что¹⁶ оно не подпадает под принятое международными нормами понятие агрессии.

К примеру, информационное оружие активно применялось и спецслужбами государств членов НАТО в период проведения различных операций в Юго-Восточной Европе, Восточной и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной, Центральной и Южной Африке, в Центральной и Южной Америке. В ходе их ведения совершенствовались формы и методы психоло-

гической войны. Например, война в Корее стала первым открытым примером на этот счет после Второй мировой войны. Опыт психологических операций, накопленный США и другими государствами в той войне, был использован для психологического и идеологического воздействия на противника¹⁷.

Главной задачей, стоявшей перед органами психологической войны США, являлся показ действий американских вооруженных сил как легитимной оборонительной операции под эгидой Организации Объединенных Наций. При составлении информационно-пропагандистских материалов они старались избегать острых политических тем и аргументов, носивших идеологический характер. Значительное количество листовок и радиопередач было посвящено добровольной сдаче в плен. Перешедшим на сторону армии США предлагалось большое денежное вознаграждение, было обещано предоставление гражданства. Проводилась большая работа и по психологической переориентации военнопленных.

С целью психологического воздействия широко применяли средства поражения, вызывающие тяжелые телесные повреждения, сильные болевые ощущения и психологический шок, в частности напалм, шариковые бомбы, стреловидные убойные элементы. Комплексные методы пропаганды, воздействующие на органы чувств, ориентированы на деморализацию противника.

Новым моментом при организации и проведении информационных операций с середины 80-х годов стало внесение в пропагандистские материалы понятия “стратегия национальной безопасности”. Данная стратегия была разработана администрацией Президента США Р. Рейгана в 1981 г. и в общем виде состояла из четырех компонентов: дипломатического, экономического, военного и информационного. При этом упор на информационный компонент как основной нашел подтверждение уже в вооруженном конфликте в Гренаде (1982 г.). Используя аргументацию “стратегии национальной безопасности”, специалисты приложили усилия для обработки международного общественного мнения, например распространяя дезинформационные материалы с использованием телевидения. Готовились специальные программы, призванные убедить людей в “справедливом” характере войны со стороны США. Трансляция велась через телевизионную

¹⁵ См.: Костюхин А. Информационные операции в планах командования вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 5. С. 7–12.

¹⁶ См.: Док. ООН // S/RES/1624 (2005).

¹⁷ См.: Токов Е., Касюк А. Психологические операции вооруженных сил США в войнах и конфликтах XX века // Зарубежное военное обозрение”. 1997. № 6.

сеть ЮСИА “Евроног”, связывающую с помощью спутников телеканалы США и западноевропейских стран. Для пропаганды “освободительной” миссии США были задействованы мощнейшие радиокомплексы – “Голос Америки” и “Немецкая волна”.

Важным последствием проведения психологических операций в Гренаде явился циркуляр Министерства обороны США начальникам военных колледжей (видов вооруженных сил, штабных и командных), в котором предлагалось пересмотреть программы обучения с целью повышения знаний в области ПсО. В плане развития теории локальных войн психологические операции рассматривались как способ по повышению боевого потенциала войск во всех видах боевых действий.

Эти теоретические положения были подтверждены на практике подразделениями, проводившими психологические операции в ходе вторжения вооруженных сил США в Панаму (1989 г.), когда, в отличие от других локальных конфликтов с участием США, специальные войска действовали по заранее разработанному плану, который фактически являлся приложением к общему плану боевых операций. В нем определялись силы, средства, сроки передачи материалов гражданским средствам массовой информации.

Опыт информационных операций, накопленный в ходе войны в Панаме, был использован в период подготовки и осуществления боевых операций в зоне Персидского залива (1991–1992 гг.). Здесь психологические операции велись по двум направлениям: внешнеполитическая область и непосредственное информационно-пропагандистское обеспечение боевых действий. В первом случае главными целями были обеспечение поддержки контрмер многонациональных сил в отношении Ирака, укрепление позиций антииракской коалиции и ослабление противника. Во втором случае усиление постоянного психологического давления, порождаемого военной обстановкой, должно было способствовать ухудшению морально-психологического состояния населения и личного состава вооруженных сил противника, снижению его боеспособности.

Информационные операции в ходе всего конфликта проводились по следующим каналам: национальные средства массовой информации, федеральные ведомства (ЦРУ, научно-исследовательские институты и т.п.), вооруженные силы (РУМО, формирования по линии специальных информационных операций и т. д.). Используя все эти силы и средства, США удалось мобилизовать

против Ирака мировое общественное мнение, способствовать деятельности антииракской коалиции, углубить существующий раскол в арабском мире, разжечь эйфорию “ура-патриотизма” в США и других странах Запада¹⁸.

В период проведения демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г., использование информационных операций явилось подстрекательством к терроризму. Некоторыми государствами был применен такой метод, как “упущение фактов и игнорирование альтернативных мнений”.

Проведение такого рода информационных операций нарушает международное право, в частности Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), Женевские конвенции о защите жертв войны (1949 г.), два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям (1949 г.), Международную телекоммуникационную конвенцию (1982 г.), резолюцию Совета Безопасности ООН № 1624 (2005 г.), резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 110 (II) от 3 ноября 1947 г., 55/63 от 4 декабря 2000 г., 56/121 от 19 декабря 2001 г., 57/239 от 20 декабря 2002 г.

Что касается межгосударственных отношений, то использование информационных систем и ресурсов для вмешательства в дела других стран является нарушением суверенитета и создает очаги напряженности, представляющие серьезную угрозу международной безопасности¹⁹. При этом стоит отметить, что универсальность, скрытность или обезличенность, возможность широкого трансграничного применения, экономичность и общая эффективность делают информационное оружие чрезвычайно опасным средством воздействия, причем разработка и применение такого оружия практически не регулируются нормами современного международного права.

Несмотря на то что Устав ООН²⁰ закрепляет обязанность каждого государства поддерживать мир и стараться разрешать международные споры путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирны-

¹⁸ См.: *Bamford J.* Body of Secrets: Anatomy of the Ultra-Secret National Security Agency. Anchor, 2009.

¹⁹ См.: *Федоров А.В.* Информационная безопасность в мировом политическом процессе. 2008. С. 220.

²⁰ См.: Действующее международное право. Т. 1.

ми средствами по своему выбору, некоторые государства применяют информационные технологии под названием “борьба с терроризмом” как одну из главных стратегических позиций, с помощью которой ведется геополитический передел мира.

Попытки подменить универсальные принципы Устава ООН односторонними действиями или некими блоковыми договоренностями и тем более применять силу в обход Устава ООН недопустимы с точки зрения современного международного права и его институтов.

Государства – участники НАТО, осуществляя деятельность в рамках работы комитета по терроризму Совета Безопасности ООН и самого Совета Безопасности ООН, непосредственно проводят внешнеполитический курс с перспективой принятия норм двойственной регулятивной направленности и с перспективой неоднозначного толкования.

Таковыми примерами являются использование беспилотных летательных аппаратов в нарушение норм международного права²¹, продажа оружия террористам, пролет военных самолетов над государством, осуществление вооруженных операций и т.д.

Все страны должны понимать, что, разыгрывая карту терроризма в своих геополитических интересах или глядя сквозь пальцы на деятельность террористов на их территории из-за особенностей внутреннего законодательства или по иным причинам, рано или поздно они увидят, что пожар обернулся против них самих. Об этом не раз предупреждал Президент РФ В.В. Путин²².

В настоящее время спорным является также вопрос о полномочиях Совета Безопасности ООН в вопросах противодействия терроризму. Вводя санкции против подозреваемых в причастности к терроризму, Совет Безопасности ООН (с учётом совпадающих голосов всех постоянных членов Совета Безопасности ООН) согласно п. 3 ст. 27 Устава ООН подменяет органы правосудия. Так считают многие юристы-международники, включая Специального докладчика ООН по вопросу защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом²³.

В своём первом докладе Генеральной Ассамблее ООН новый Специальный докладчик Бен Эммерсон утверждает, что Совет Безопасности ООН, будучи политическим органом, не несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24 Устава ООН). Санкционный режим Совета Безопасности ООН обозначен в гл. VII Устава ООН “Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира – актов агрессий”. В 1999 г. была создана должность омбудсмана, который выносит рекомендации по исключению лиц и организаций из санкционного списка. Однако, по мнению Специального докладчика, его полномочия недостаточны.

Некоторые региональные организации, в частности Европейский Союз, начали осуществлять деятельность, прямо выходящую за пределы своих полномочий в соответствии с действующими нормами международного правопорядка. Речь идет о специальных списках международных организаций и физических лиц, подозреваемых в причастности к международной террористической деятельности. На настоящий момент в такие списки Европейского Союза уже включены около 370 лиц и 60 организаций. В данный список в различные его разделы могут попадать не только государства и отдельные организации, но и индивиды (граждане). В этом смысле, когда Европейский Союз составляет такого рода списки, то в отношении включенных в него государств, международных организаций, физических лиц могут устанавливаться различного рода незаконные с точки зрения международного правосудия дискриминационные меры.

В соответствии с международными нормами существуют четкие правила, по которым каждый подозреваемый или обвиняемый должен иметь возможность защитить свои права и доказать обратное в ходе справедливого рассмотрения дела. В рамках Европейского Союза таких процедур не существует, и с этой точки зрения есть противоречия с нормами международного права. В связи с этим не соблюдаются общепризнанные нормы отправления международного правосудия. Соответственно, физические лица включаемые в списки, обычно не уведомляют о поступлении запроса. Им не сообщается о принятом решении. У них нет возможности высказаться и доказать свою невиновность в международном судебном порядке. Тем самым постановления Европейского Союза в части решения о включении в специальные списки по линии предполагаемой сопричастности к террористической деятельности юридически несостоятельны.

²¹ См.: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/129146/index.html>

²² См.: В борьбе с терроризмом не может быть двойных стандартов // Центр новостей: // <http://top.rbc.ru/politics/26/09/2012/671496.shtml>

²³ См.: Как санкции против террористов вписываются в мандат Совета Безопасности? // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/125197/>

Концептуальная и практическая значимость сделанного заключения определяет себя по факту реальных правовых случаев, имевших место в ряде государств – членов Европейского Союза. Итогом всего явилась подача исковых заявлений в Европейский Суд по правам человека по обстоятельствам необоснованного с юридической точки зрения включения в списки физических лиц, в отношении которых были выдвинуты обвинения в причастности к террористической деятельности. В подтверждение нарушенных норм конституционных прав граждан Суд заявил о недопустимости с точки зрения международного правосудия составления списков предположительно причастных к преступной деятельности. Только суд как орган правосудия вправе выносить решения о причастности или непричастности соответствующих физических лиц к международной террористической деятельности. Суд объяснил свою международно-правовую позицию тем обстоятельством, что противодействие терроризму должно протекать в рамках тех норм, которые действуют в области прав человека.

Юридически значима позиция представителей Европейского комитета по правам человека. Установлено, что методы, используемые для составления черных списков подозреваемых в терроризме, “абсолютно произвольны” и “нарушают основные права человека и власть закона”²⁴.

Юридический комитет Совета Европы призвал к пересмотру международных правил таким образом, чтобы отдельные лица и группировки, попадающие в черные списки, получили доступ к имеющимся против них уликам, право на справедливый суд или объективную проверку и компенсацию в том случае, если внесение в списки террористов было ошибочным.

Учреждение института омбудсмена с точки зрения права, явилось логическим результатом прямой заинтересованности мирового сообщества в деле обеспечения международного правосудия. Позитив права конкретно обозначен в формате исключения лиц и организаций из санкционного списка заранее подозреваемых в терроризме и, соответственно, возможности принятия жалоб по данным вопросам. В рамках Европейского Союза были изданы новые правила, включающие в себя уведомление о внесении конкретного физического лица в список лиц, предположительно причастных к актам международного терроризма, а также предусматривающие возможность подачи соответствующей на этот счет апелляции.

В данном случае есть мнение передать функции по выявлению и пресечению международных преступлений, в частности международного терроризма, Международному уголовному суду. Если это получит одобрение, то будет создан нормальный юрисдикционный механизм.

В порядке авторского концептуального вклада в науку юриспруденции предлагается также закрепить в международных нормах понятие “информационная агрессия” наряду с другими важными категориями международного правового порядка.

В то же время в структуре Совета Безопасности ООН должны появиться и комиссия по защите критической инфраструктуры мира, и группа критических контртехнологий, призванные обезопасить мировое информационное пространство от всех видов информационной агрессии.

Государства в рамках международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму призваны четко руководствоваться нормами современного международного права, включая основные права и свободы человека, а также надлежащие правовые процедуры. При этом государства призваны содействовать быстрой выработке всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Российская Федерация поддерживает данные подходы по противодействию терроризму, реализует их на национальном уровне и продвигает на уровне международном при центральной координирующей роли ООН и Совета Безопасности, постоянным членом которого она является.

Последовательное соблюдение верховенства права ориентировано на повышение роли международного права в сфере противодействия международной преступности. Всестороннее укрепление верховенства права на международном уровне направлено на исключение избирательности, пристрастности и двойных стандартов. Деятельность международных органов уголовного правосудия в лице Международного уголовного суда ставит своей целью всестороннее соблюдение норм международного права²⁵.

Режим верховенства права в параметрах универсальной правовой системы создает условия для беспрепятственного отправления международного уголовного правосудия и в этом плане

²⁴ The Washington Post. Dec. 7. 2012 // <http://www.antiterror.ru/library/smi/165614731.html>

²⁵ См.: Итоги совещания Совета Безопасности ООН при рассмотрении вопроса о роли права в поддержании международного мира и безопасности. 17 октября 2012 г. // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/123842/index.html>

содействует поддержанию международного мира и безопасности.

Выработанные международным правом юридические стандарты должного поведения создают основу для всестороннего взаимодействия государств в соответствии с целями и принципами Устава ООН²⁶.

Государства как суверенные создатели современного международного права призваны своим конкретным поведением содействовать укреплению международного сотрудничества в части прогрессивного развития международного права и его кодификации, а также усиления координации между Организацией Объединенных Наций и соответствующими специализированными учреждениями, организациями и институтами с целью повышения их эффективности. Государства должны обеспечивать также, чтобы любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали их обязательствам по современному международному праву. Конкретно речь идет о международных стандартах в области прав человека и гуманитарного права.

На концептуальном и практическом уровне доказано следующее. Международное сообщество признает за каждой страной – членом мирового сообщества право на защиту своих информационных ресурсов. В рамках ООН мо-

гут быть заключены многосторонние договоры, запрещающие агрессивные действия в отношении таких ресурсов. Следует рассмотреть идею соглашений, гарантирующих использование разрабатываемых информационных технологий в мирных целях и их доступность для всех государств.

Показательное международно-правовое значение в общем контексте имеет резолюция Совета Безопасности ООН 1624 (2005) о борьбе с подстрекательством к терроризму, которая ориентирована на недопустимость использования средств массовой коммуникации для оправдания действий террористов.

Первостепенными в вопросах противодействия терроризму являются вопросы его профилактики, пресечения “воспроизводства” идеологии экстремизма и насилия, в том числе через противодействие подстрекательству к терроризму, а также недопущения использования в террористических целях медийного пространства, глобальной сети Интернет.

Полагаю, что ООН являет собой оптимальный институционально-правовой организм для решения различных международных проблем современности в режиме миропорядка на основе верховенства права Rule of Law.

Мировое сообщество, избавляясь от двойных стандартов в оценке международных преступных деяний, призвано консолидировать свои усилия в целях противодействия международному терроризму во всех его проявлениях.

²⁶ См.: Верховенство права – приоритет международной повестки дня // [http:// www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/104371](http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/104371)